

*Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Ямало-Ненецкого автономного округа
в рамках научного проекта № 19-49-890002 р_а.*

В. Ф. Лапшин, Э. Х. Надысева

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ УМЫШЛЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Реализация уголовной ответственности на неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления, не согласуется с базовыми уголовно-правовыми требованиями, поскольку деяние, совершаемое на стадии приготовления, явно не содержит в себе признаков ни преступления, ни его состава. В то же время назначение наказания производится в соответствии с санкцией нормы Особенной части УК, которая указывает на наличие деяния, в действительности не совершённого осуждённым. Это позволяет поставить вопросы о законности и необходимости привлечения лица именно к уголовной ответственности за деяние, признаваемое приготовлением к совершению умышленного преступления.

Анализ положений действующего уголовного законодательства, источников научной литературы, а также материалов судебной практики по уголовным делам об инкриминировании приготовительных действий позволил сделать вывод, согласно которому привлечение лица к ответственности за совершение деяния, характеризуемого как приготовление к совершению преступления, противоречит принципу законности и справедливости. В этой связи предлагается изменить действующее уголовное законодательство, исключив нормы о приготовлении из института неоконченного преступления.

Ключевые слова: преступление, основание для привлечения лица к уголовной ответственности, состав преступления, неоконченное преступление, принципы уголовного права, приготовление к преступлению.

V. F. Lapshin, E. H. Nadiseva

LEGAL CONTENT OF CATEGORY “PREPARATION FOR PERFORMANCE OF AN INTENTIONAL CRIME”

The implementation of criminal liability for an unfinished crime, interrupted at the stage of preparation, is not consistent with the basic criminal law requirements, since the act committed at the stage of preparation, clearly does not contain any signs of a crime or its composition. At the same time, the imposition of punishment is carried out in accordance with the sanction of the norms of the Special part of the criminal code, which indicates the existence of an act not actually committed by the convicted person. This allows us to raise questions about the legality and necessity of bringing a person to criminal responsibility for an act recognized as preparation for the Commission of an intentional crime.

The analysis of provisions of the current criminal legislation, sources of scientific literature, and also materials of judicial practice on criminal cases about incrimination of preparatory actions, allowed to draw a conclusion according to which attraction of the person to responsibility for Commission of the act characterized as preparation for Commission of crime, contradicts the principle of legality and justice. In this regard, it is proposed to change the current criminal legislation, eliminating the rules on the preparation of the Institute of unfinished crime.

Key words: crime, the basis for bringing a person to criminal responsibility, the composition of the crime, the unfinished crime, the principles of criminal law, preparation for a crime.

Современная отрасль отечественного уголовного права включает в себя ряд традиционных институтов, одним из которых является неоконченное преступление. Установление уголовной ответственности за пресекаемую деятельность, которая направлена на достижение преступного результата, объясняется желанием не допустить наступления вредных последствий преступной деятельности, но при этом реализовать меры ответственности в отношении лица, приступившего к совершению общественно опасного деяния. Обосновывая необходимость уголовной ответственности за запрещённую уголовным законом деятельность, не завершённую по не зависящим от лица обстоятельствам, А. А. Пионтковский указывал, что действия, определяемые как процесс совершения преступления, а также подготовительные к совершению преступления действия также являются преступными. Такая законодательная позиция прежде всего была ориентирована на установление общественной опасности лица, нежели фактически совершённых им действий к моменту пресечения запрещённой уголовным законом деятельности [8, с. 402–403].

В то же время решения относительно достаточности объёма действий, умышленно совершённых на различных стадиях преступления, в отечественном законодательстве были неоднозначны. К примеру, на этапе становления советского уголовного права – Постановление ВЦИК от 05.01.1918 г. – уголовно наказуемым признавалось и оконченное преступление, и действия по подготовке к его совершению. Уголовная ответственность реализовывалась на общих основаниях, не зависящих от степени завершённости преступной деятельности. Впоследствии УК РСФСР 1922 г. исключил возможность привлечения к ответственности за приготовительные действия. Исключение составляли те случаи, когда в совершённых приготовительных действиях уже содержались все признаки самостоятельного состава преступления. Применение мер социальной защиты (наказания) никак не дифференцировалось, хотя судам указывалось на возможность принять во внимание отсутствие вредных последствий неоконченного преступления [6, с. 169–170].

УК РСФСР 1960 года речь ещё не велась о такой категории, как «неоконченное преступление», а ст. 15 устанавливала ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на его совершение. Ограничений по максимально возможным срокам (размерам) уголовного наказания за деяния, имевших место на указанных стадиях осуществления умышленной преступной деятельности, УК РСФСР 1960 года также не предусматривал. Однако здесь же содержалось указание на обязательность учёта не только общественной опасности деяния, но и степени завершённости преступной деятельности и причин, по которым виновному не удалось довести преступление до конца. Из этого следовало обращение законодателем внимания на меньшую общественную опасность приготовительных действий или покушения в сравнении с деянием, квалифицируемым в качестве оконченного преступления.

Ныне действующий УК в ч. 2 ст. 29 содержит указание на неоконченное преступление, которое определяет как «приготовление» или «покушение» на совершение преступления. Сопоставительный анализ аналогичных положений уголовных законов СССР и РСФСР позволяет утверждать о более точном указании на содержание действий, совершаемых на стадиях приготовления и покушения. И всё же действующая уголовно-правовая норма не свободна от критики: деяние действительно признаётся неоконченным преступлением, которое не может сводиться ни к приготовлению, ни к покушению. Последние в действительности являются последовательно сменяющимися друг друга стадиями осуществления преступной деятельности. Поэтому неоконченное преступление является уголовно наказуемым деянием, прерванным на стадии приготовления или покушения по не зависящим от злоумышленника обстоятельствам.

Решая вопрос об ответственности за неоконченное преступление, необходимо понимать, что законодатель не устанавливает для него каких-либо специальных (особых, исключительных) условий. Поэтому неоконченному преступлению присущи все юридически значимые признаки, перечисленные в ч. 1 ст. 14 УК, а в соответствии со ст. 8 УК основанием ответственности за него также является наличие в совершённом деянии всех признаков состава

преступления. Реализация уголовной ответственности при неустановлении данного основания должна признаваться нарушением предусмотренного ст. 3 УК принципа законности.

Сопоставление перечисленных положений, содержащих базовые постулаты уголовного законодательства, с правовой сущностью неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления, позволяет установить аналогию применения уголовного закона в процессе реализации ответственности за его совершение. Все действия, которые имеют место на стадии приготовления, предполагают создание условий и (или) устранения препятствий для совершения задуманного преступления. На это указывает и содержание ч. 1 ст. 30 УК: приискание средств совершения преступления, поиск соучастников и иные тому подобные действия. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии в перечисленных фактически совершаемых действиях признаков самостоятельного состава преступления, а формальный признак преступления определяется для них положениями ч. 1 ст. 30, а не соответствующей нормой Особенной части УК.

В принципе данная проблема могла бы быть решена путём установления в уголовном законе нескольких видов деяний, которые образуют основание уголовной ответственности. Например, в соответствии со ст. 10 УК Белоруссии основанием уголовной ответственности признаётся преступление – виновно совершённое запрещённое законом деяние. Но это деяние может быть представлено: 1) окончанным преступлением; 2) приготовлением к совершению преступления; 3) покушением на совершение преступления; 4) соучастием в совершении преступления [4, с. 28].

Таким образом, в соответствии с белорусским уголовным законодательством установление всех признаков состава преступления в конкретном деянии не является обязательным, а потому принцип законности не нарушается при реализации уголовной ответственности, в том числе за приготовительные действия. Российское законодательство таких возможностей для признания основания уголовной ответственности не предусматривает.

Сама по себе идея об отсутствии в приготовительных действиях состава преступления, за приготовление к которому лицо впоследствии привлекается к ответственности со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК, не так нова. Многие исследователи указывали на данное обстоятельство, хотя при этом находили средства правового обоснования криминализации приготовительных действий, не предусмотренные положениями норм Особенной части УК. В основу такого подхода положено утверждение о значимости предотвращения конечных результатов преступной деятельности, в связи с чем законодательно устанавливается возможность привлечения лица к ответственности за неоконченное преступление, прерванное в том числе на стадии совершения приготовительных действий [2, с. 63, 71].

Идея о социальной целесообразности привлечения к уголовной ответственности за приготовительные действия по-разному обосновывается в современной науке. В частности, Н. Ф. Кузнецова писала, что приготовление обладает общественной опасностью, как и окончанное преступление, в связи с чем за него устанавливается уголовная ответственность. Эту опасность она усматривала в том, что благодаря совершению приготовительных действий создаются необходимые условия для последующего совершения преступления. Иначе, преступление не может быть совершено или его совершение существенно затрудняется, в связи с чем действия, совершаемые на стадии приготовления, содержат в себе реальную возможность последующего причинения преступного ущерба [5, с. 152].

Приведённые доводы малоубедительны. Любой вид деятельности, включая и совершенные преступления, проходит в своём развитии несколько этапов, в связи с чем последующий этап невозможен без предыдущего. Поэтому точно с таким же успехом можно аргументировать криминализацию деяний, представляющих собой мыслительную деятельность человека на стадиях формирования и обнаружения умысла: без формирования преступного замысла невозможны ни деяния, запрещённые уголовным законом, ни общественно опасные последствия, наступающие в результате совершения ранее спланированного посягательства.

Большую степень последовательности демонстрируют авторы, пытающиеся определить в приготовительных действиях признаки состава преступления, как того требует ст. 8 УК. К примеру, С. В. Чернокозинская полагает, что приготовление содержит в себе специфический состав преступления, в связи с чем реализация уголовной ответственности за приготовление не вступает в противоречие с требованиями, содержащимися в ст. 8 УК [14, с. 20]. Сторонниками данной идеи даже сформулирована «теория состава неоконченного преступления», в соответствии с которой состав формируется с учётом положений ст. 29 и 30 УК [3, с. 126; 1, с. 81].

М. В. Степанов, В. Ф. Цепелев и др. считают, что уголовная ответственность за приготовительные действия должна возникать, но «с определёнными ограничениями». Эти ограничения ими видятся в криминализации только тех приготовительных действий, которые направлены на подготовку к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления [13, с. 42].

Думается, что в сравнении со всеми иными сторонниками криминализации приготовительных действий ближе к истине оказался В. Н. Некрасов, обративший внимание на использование при формулировании положений о неоконченном преступлении фикции как одного из средств законодательной техники. Совершение приготовительных действий влечёт за собой привлечение лица к уголовной ответственности «как за якобы оконченное преступление» [7, с. 8].

Перечисленные суждения свидетельствуют о наличии у исследователей убеждения, что во всех действиях, совершаемых на стадии приготовления (к тяжкому или особо тяжкому преступлению), имеются все признаки состава преступления, вследствие чего отсутствуют конкуренция и несогласованность норм о криминализации приготовления к совершению преступления и основания уголовной ответственности. Думается, что авторы выдают желаемое за действительное: по общему правилу все действия, совершаемые на стадии приготовления, формально являются правомерными, поскольку не содержат в себе всех признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части УК.

Из четырёх известных элементов состава преступления применительно к приготовительному деянию можно с уверенностью выделить только умысел на совершение в будущем преступления, а также определить наличие у лица, готовящегося к совершению общественно опасного деяния, всех признаков субъекта преступления. Последние устанавливаются независимо от ведения лицом противоправного или законопослушного образа жизни, а потому не оказывают принципиального влияния на криминализацию приготовительных действий.

Подобная интерпретация содержания норм уголовного закона об основании признания деяния преступным является крайне уязвимой для критики. Однако официальные статистические данные, ежегодно обобщаемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, свидетельствуют, что в период 2014–2018 гг. к уголовной ответственности за неоконченное преступление ежегодно привлекалось 6–9 % от общего числа осуждённых. Выделить в данном показателе количество осуждённых за неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления, не представляется возможным ввиду отсутствия специализированного статистического показателя. Разумеется, что уголовная ответственность за неоконченное преступление в большинстве случаев применяется к лицам, противоправная деятельность которых была прервана на стадии покушения. Однако это ничуть не умаляет необходимость разрешения правовой проблемы определения основания для уголовной ответственности за приготовительные к совершению преступления действия.

Сложившаяся к настоящему времени судебная практика отрицает невозможность привлечения лица к ответственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления. Однако ни в одном из изученных приговоров, вступивших в законную силу, не содержится подробного описания признаков состава преступления, установленных в процессе производства по уголовному делу. Выработанный алгоритм квалификации неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления, сводится к указанию и доказыванию действий, создающих условия для совершения предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК преступления в будущем, и указанию на ч. 1 ст. 30 УК.

Так, Самарским областным судом М. осуждён по совокупности преступлений, включая приготовление к квалифицированному убийству. Общественно опасное деяние М. в этой части заключалось в том, что он совместно с иными лицами решил убить Б. Для этого ими были распределены роли каждого в предполагаемом преступлении и разработан план совершения убийства. М. получил информацию, что предполагаемый потерпевший будет следовать в определённый день на автомобиле из города в аэропорт. На автомобильной трассе между городом и аэропортом М. выбрал участок, наиболее удобный для совершения нападения на автомобиль потерпевшего. В течение нескольких дней М., вооружившись автоматом, приезжал к месту предполагаемого убийства Б., однако совершить преступление не мог, поскольку Б. в аэропорт не прибыл. Перечисленные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 30, п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК [9, с. 12].

Ачхой-Мартановским районным судом Чеченской Республики осуждён «ФИО2 А-М. Х-М» (далее – А.) за приготовление к сбыту наркотических средств в значительном размере. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый для личного потребления хранил при себе 8 свёртков с наркотическим средством. В определённый момент у него возник умысел на сбыт имеющегося наркотического средства. Для реализации умысла А. на собственном автомобиле выехал к месту предполагаемого сбыта наркотического средства, но был остановлен сотрудниками ОМВД России по Чеченской Республике. В ходе досмотра автомобиля А. 8 свёртков наркотического средства были обнаружены и изъяты. За совершённое деяние А. был осуждён по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК [10].

Кизлярским районным судом Республики Дагестан осуждён И. за приготовление к совершению кражи сырой нефти из нефтепровода «Черномортранснефть». Подсудимый И., реализуя преступный умысел на хищение, осуществил несанкционированную врезку на 75,1 км тела магистрального нефтепровода. Приступить к осуществлению хищения сырой нефти, перемещающейся по нефтепроводу, И. не смог, так как незаконная врезка в нефтепровод была обнаружена представителями службы безопасности. По результатам проведения предварительного следствия и судебного разбирательства И. инкриминированы ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 158 УК [11].

В приведённых приговорах суд не указал те обстоятельства, которые свидетельствуют о наличии в описанных деяниях осуждённых всех признаков составов инкриминируемых им деяний. Напротив, описание общественно опасного деяния сводится не к анализу признаков состава совершённого преступления, а к описанию действий, предшествующих началу преступной деятельности. По этой причине суд вынужден осуществить подмену понятий «состав преступления» как необходимое условие для привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 8 УК) на «уголовно наказуемое приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению» (ч. 1, 2 ст. 29; ч. 1, 2 ст. 30 УК), что является нарушением правового принципа законности, в том числе аксиоматичной недопустимости применения уголовного закона по аналогии (ст. 3 УК). По этой причине можно сделать вывод о недопустимости установления в уголовном законодательстве ответственности за действия, которые совершаются на стадии приготовления, если они не содержат в себе признаков самостоятельного состава преступления.

Как уже отмечалось, противники подобного решения обычно заявляют, что отказ от привлечения лица к уголовной ответственности на ранних стадиях реализации преступного умысла – стадии приготовления – может привести к невоспрепятствованию совершения преступления. Подобная пассивность создаст условия для реального нарушения охраняемых законом общественных отношений, в том числе наступлению негативных последствий. Именно для этого законодатель формулирует уголовно-правовые нормы с «двойной превенцией» [12, с. 47].

Некоторые авторы даже заявляют, что применение к преступнику-приготовителю мер уголовной ответственности является проявлением гуманизма и экономии уголовной репрессии. Недоведение преступления до конца по не зависящим от лица обстоятельствам обязывает суд применить к нему более мягкие меры ответственности по сравнению с теми, которые применяются при реализации уголовной ответственности на общих основаниях [2]. Данное

мнение нам представляется достаточно спорным, поскольку действительная экономия уголовной репрессии предполагает отказ от привлечения лица к уголовной ответственности, смягчение возможного к назначению уголовного наказания, а равно применение иных норм уголовно-правового поощрения. Признание проявлением гуманизации решения о привлечении к уголовной ответственности за совершение деяния, не содержащего в себе признаков состава преступления, вряд ли может быть одобрено.

Учитывая перечисленные обстоятельства, характеризующие категорию «приготовление к совершению умышленного преступления», мы приходим к следующим выводам. Прежде всего, действия, совершаемые на стадии приготовления, в действительности не содержат в себе признаков состава преступления. На этом основании привлечение лица к уголовной ответственности за совершение этих действий, если они не содержат в себе признаков самостоятельного состава преступления, противоречит требованиям ст. 8 УК.

Факт отсутствия в приготовительных действиях в сущности не оспаривается ни исследователями проблемы уголовной ответственности за неоконченное преступление, ни представителями практических органов. Обоснование же необходимости реализации уголовной ответственности в этом случае ими видится в наличии представления у лица о преступном результате, который обязательно будет достигнут, а также в необходимости пресечения преступной деятельности на её самых ранних стадиях. Данный подход к реализации уголовной ответственности за неоконченное преступление – приготовительные действия – является примером применения уголовного закона по аналогии, что недопустимо в силу прямого указания, содержащегося в ст. 3 УК.

Анализ положений нормативных актов, являющихся источниками различных отраслей российской системы права, также свидетельствует о недопустимости применения мер уголовной ответственности за действия, совершаемые на стадии приготовления к совершению умышленного преступления и не содержащие в себе признаков состава инкриминируемого деяния. Это связано с тем, что криминализация приготовительных действий создаёт конкуренцию с положениями уголовно-правовой нормы о добровольном отказе от преступления, а также вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности: ст. 49 Конституции и ст. 14 УПК. При привлечении лица к ответственности за совершение действий, прямо не запрещённых уголовным законом, вменяется ещё не нарушенная норма Особенной части УК. Пресечение приготовительных действий с последующим привлечением к уголовной ответственности за их совершение исключает возможность обвиняемого добровольно отказаться от продолжения реализации преступного умысла на стадии приготовления или покушения. Действительность существования такой возможности не может ставиться под сомнение, поскольку можно с одинаковой долей вероятности предположить и доведение преступления до конца, и отказ лица от продолжения задуманных действий на стадиях приготовления или покушения. Суд же, вынося обвинительный приговор, безальтернативно предполагает развитие противоправной деятельности по сценарию, противоречащему интересам подсудимого, что не соответствует требованиям ч. 3, 4 ст. 14 УПК.

Учитывая перечисленные обстоятельства, следует признать ошибочность криминализации приготовительных действий, если они не содержат в себе всех признаков самостоятельного состава преступления. Подобное законодательное решение противоречит принципам законности и презумпции невиновности, а равно провоцирует принятие судебных решений, справедливость которых весьма условна.

Литература

1. Баймакова, Н. Н. Неоконченное преступление и его признаки / Н. Н. Баймакова. – Текст: непосредственный // Российское правосудие. – 2010. – № 4. – С. 77–81.
2. Безуглый, С. Н. Ответственность за неоконченное преступление по уголовному законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики : диссертация на соис-

кание ученой степени кандидата юридических наук / С. Н. Безуглый. – Белгород, 2017. – 203 с. – Текст : непосредственный.

3. Бугаев, В. А. Особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению / В. А. Бугаев, А. В. Чайка. – Текст : непосредственный // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 124–128.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общей редакцией: В. М. Хомича, А. В. Баркова. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2005. – 1024 с. – Текст : непосредственный.

5. Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности : избранные труды / Н. Ф. Кузнецова ; предисловие В. Н. Кудрявцева. – Санкт-Петербург, 2003. – 219 с. – Текст : непосредственный.

6. Мишунин, П. Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917–1918 / П. Г. Мишунин. – Москва : Госюриздат, 1954. – 231 с. – Текст : непосредственный.

7. Некрасов, В. Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. Н. Некрасов. – Ярославль, 2013. – 234 с. – Текст : непосредственный.

8. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права : в 6 т. Т. 2. Преступление / А. А. Пионтковский. – Москва : Наука, 1970. – 516 с. – Текст : непосредственный.

9. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации : от 12.03.2008 г. по делу Мазанова : [извлечение]. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. – № 10. – С. 12.

10. Приговор № 1-57/2018 от 06.07.2018 г. Ачхой-Мартановского районного суда Чеченской Республики. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.11.2019).

11. Приговор № 1-67/2010 от 07.07.2010 г. Кизлярского районного суда Республики Дагестан. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.11.2019).

12. Рыбак, А. З. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению / А. З. Рыбак. – Текст : непосредственный // Юрист-Правоведъ. – 2012. – № 2. – С. 44–47.

13. Цепелев, В. Ф. Проблемные вопросы стадий преступления и их значение для деятельности органов внутренних дел / В. Ф. Цепелев. – Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2. – С. 41–43.

14. Чернокозинская, С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказания : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. В. Чернокозинская. – Саратов, 2005. – 30 с. – Текст : непосредственный.